

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
ИСТОРИЯ, ГЕОПОЛИТИКА, УРОКИ
ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
(к 90-летию окончания Первой мировой войны
и началу формирования Версальско-
Вашингтонской системы
международных отношений)

Витебск 2008

Окончательное размежевание позиций К.Каутского и Э. Бернштейна по колониальному вопросу наблюдается в период подготовки и проведения Штуттгартского конгресса II Интернационала 1907г., где правое крыло международного социал-демократического движения в лице Э.Бернштейна и Давида предложили конгрессу резолюцию «социалистической колониальной политики». Однако под давлением Каутского и его сторонников предложение «империалистов от социал-демократии» не было поддержано большинством Штуттгартского конгресса.

В своем выступлении и в последующих публикациях Каутский указывал, что так называемые «рабочие колонии» в период империализма практически исчезли и, следовательно, имеют место лишь «эксплуататорские колонии», создание и сохранение которых он не считал прогрессивным и нужным рабочему классу делом. Каутский был против утверждения о том, что колонизация несет колонизируемым народам прогрессивный капиталистический порядок, лишь на базе которого возможен переход к социализму. Главным социалистическим принципом для Каутского в этом вопросе становится принцип свободы колоний.

Таким образом, мы можем видеть, что позиция Каутского в данном вопросе, хотя и претерпела существенные изменения, но в целом носила более прогрессивный гуманистический характер и была в итоге поддержана лидерами ЦДПГ, вместе осудившими социалистический пангерманизм Э. Бернштейна. Впоследствии теоретические споры и разногласия между К. Каутским и Э. Бернштейном будут нарастать, что в итоге приведет к открытому противостоянию и долговременному периоду отчужденности в их межличностных отношениях.

ГЕРМАНИЯ НА ПУТИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1890-е – 1914 г.)

*Р.А. Чикалов, И.Р. Чикалова
(Минск, БГПУ)*

Выход интересов Германии за пределы Европы, распространение внешнеполитической и экономической экспансии империи на другие континенты относится к 90-м годам XIX в. Впервые заявление о том, что Германия рассматривает себя «мировой державой» Вильгельм II сделал 18 января 1896 г. в речи по случаю 25-летия основания империи, хотя сама эта концепция сложилась, разумеется, раньше. Новый подход к задачам внешней политики империи встретил полное понимание и одобрение в конкер-ско-буржуазных кругах. В 1897 г. тогдашний статс-секретарь по иностранным делам, а впоследствии канцлер Бернгард фон Бюлов следующими словами сформулировал программу превращения страны в мировую державу: «Германию с самого начала не следует исключать из соревнования за господство над другими странами, обладающими богатыми перспективами. Те времена, когда немец одному из своих соседей уступал землю, другому – море, а себе оставлял небо, где царствует чистая теория, – эти времена прошли... Одним словом: мы не хотим никого отодвигать в тень, но и себе требуем места под солнцем».

Этот призыв к мировому господству соответствовал сложившимся представлениям юнкеров и буржуазии, офицеров и чиновничества, всех экспансионистских настроенных слоев о несоответствии экономического и военного потенциала, самих тевтонских традиций тому месту, которое Германия занимала в мире. На общественное мнение не мог не влиять тот факт, что немецкая диаспора распространилась по всему земному шару. В течение XIX в. около 5 млн немцев покинули Европу и расселились по всем континентам. С учетом предшествовавшей эмиграции и ее потомков в конце XIX в. немцев насчитывалось: в США – свыше 10 млн, в Канаде – 400 тыс., в Центральной и Южной Америке – около 518 тыс., в Африке – 623 тыс., в Азии и Океании – порядка 200 тыс. К ним надо добавить немцев в европейских странах: 250 тыс. в прибалтийских губерниях России, 32 тыс. в Голландии, 68 тыс. в Бельгии и Люксембурге, 87 тыс. во Франции, 53 тыс. в Англии, 11 тыс. в Италии, 35 тыс. в Дании. Много их было в Скандинавии, на Балканах, в Турции. При этом следует учесть, что немцы в новых местах обитания (за исключением США, где быстро шел процесс ассимиляции) сохраняли свои этнические особенности и стремление к консолидации в национальные общины. Последние рассматривались в Германии как плацдарм для расширения влияния в соответствующих регионах, как форпост «Великой Германии». Идея этнической общности немцев в Германии и немецкоязычных анклавов вела к стремлению укрепить эти анклавы, что, в конечном счете, способствовало планам установления германской мировой гегемонии.

В 1890-х и последующих годах на одно из первых мест выдвинулась проблема сбыта товаров. По сравнению с 1880 г. германский экспорт возрос в 1913 г. почти в 3,5 раза. Немецкие товары заполнили Европу, проникли в Центральную и Южную Америку, Африку, Ближний и Средний Восток. Но если собственно германские зависимые территории погло-

щали всего 1% экспорта товаров, то колонии и полуколонии других держав – около 16–17%. Столь же интенсивным был экспорт немецкого капитала. И повсюду препятствием для германской экономической экспансии были владения Англии или ее преобладающее влияние на внешних рынках. Завоевать положение такой же мировой державы, как она, стало волежеланным стремлением германских империалистов. Германия стремилась занять нишу в европейском и мировом сообществе в качестве безусловного гегемона. Но это место еще следовало завоевать в жесткой конкурентной борьбе по всему земному шару: германские колониальные владения в 11 раз уступали британским и в 4 раза французским. Отсюда и столь резкое расширение внешнеполитических приоритетов Германской империи.

Достижение цели превращения империи в мировую державу и завоевания ею гегемонии на мировой арене требовало соответствующего идеологического обоснования, в связи с чем за короткий срок был создан разветвленный и эффективно действовавший пропагандистский аппарат. Он включал множество союзов и обществ, составивших цельную систему организованного воздействия на общественное сознание. Среди организаций, призванных обеспечить воспитание в духе милитаризма, одной из наиболее активных и воинственных зарекомендовал себя Пангерманский союз, основанный в 1891 г. Его сила заключалась в высоком интеллектуальном потенциале и теснейших связях с вершущей монополистического капитала, юнкерством и правительством. В основе идеологии пангерманизма лежали представления об определяющем значении географических факторов (положение, физические условия, климата) для развития и функционирования государства, позднее получившее название геополитики. По этой теории, прилагавшей идеи дарвинизма к политической жизни, государство уподоблялось биологическому организму, ведущему борьбу за «жизненное пространство». Ведущим принципом развития объявлялось стремление к территориальному расширению, захвату новых земель.

В этой связи разрабатывались и широко обсуждались планы создания «Срединной Европы» – экономико-политического объединения европейских государств под главенством Германии. Стержнем его предполагался блок Германии и Австро-Венгрии; в «Срединную Европу» предлагали включить Голландию, Скандинавские страны, Данию, Финляндию, Румынию, Болгарию, Грецию. Некоторые шли еще дальше и готовы были причислить к ней даже Францию, Бельгию, Швейцарию, Испанию, Италию. Идеолог «Срединной Европы» Карл Риттер писал: «Территория будущей конфедерации будет населена примерно 150 миллионами населения, из них 78 миллионов немцев, 40 миллионов славян (составляющих шесть главных племён) и 32 миллиона членов других рас. Германская империя получит политическое лидерство – это и будет Германский империализм». Проект «Срединной Европы» возрождал в новых исторических условиях тенденцию к объединению европейских государств или части их под властью одной из держав. В начале XIX столетия эта тенденция выражалась в стремлении «унифицировать» Европу под французской эгидой. Теперь, в XX в., пангерманисты выдвинули идею интеграции Европы на базе своих гегемонистских притязаний, которые намеревались осуществить силой оружия. Лидер Прогрессивской народной партии Ф. Науман в 1915 г. определял контуры будущего межгосударственного объединения: «Эта ассоциация не будет иметь какой-либо единой конституционно оформленной высшей власти, и все ее члены будут формально равны, но на практике будут находиться под германским руководством и должны стабилизировать германское экономическое доминирование над Миттельюропой». В представлении Наумана, «Срединная Европа» будет союзом государств, которые при сохранении своих форм правления и национальных особенностей пойдут по пути наибольшей унификации, особенно в сферах обороны и экономики, причем ее основой будет немецкий элемент и признание немецкого языка в качестве средства международного общения.

У пангерманистов планы относительно «Срединной Европы» занимали важное, но не единственное место. В своей пропаганде они постоянно указывали на Восток как на одно из главных направлений экспансии. В «Срединную Европу» намеревались включить обширные территории, отнятые у России. Еще в 1894 г. центральный орган Пангерманского союза писал: «Старый «Дранг нах Остен» должен быть возрожден. На востоке и юго-востоке должны мы приобрести место для локтей, чтобы обеспечить германской расе те жизненные условия, в которых она нуждается для полного развертывания своих сил». Не меньшее внимание пангерманисты уделяли колониальным захватам. Один из влиятельных германских идеологов Артур Дике в книге «Немецкий империализм», определяя направления экспансии Германии, указывал: «Кровные интересы рейха предполагают сотрудничество с европейским юго-востоком; мы вместе должны держать открытыми европейский выход к Индийскому океану через Малую Азию; мы должны стремиться к экономическому сближению и взаимному укреплению стран, лежащих между Эльбой и Евфратом; мы должны сделать взаимодополняемой нашу экономику и экономику цивилизаций Ближнего Востока; мы

должны укрепить военные и политические связи между странами Центральной и Юго-Восточной Европы в совместной обороне против Востока и Запада. В требованиях передела уже поделенных колоний пангерманисты смыкались с организованным еще в 1882 г. Колониальным обществом, объединявшем представителей промышленного и торгового капитала, чиновничества. Средством достижения поставленных целей пангерманисты считали войну, которая в их понимании является «биологической необходимостью».

Широкомасштабная пропаганда национализма, шовинизма, милитаризма не была бесплодной. Летом 1914 г., незадолго до начала войны, российский генерал А.А. Брусилов находился на отдыхе в немецком курортном городе Киссингене. Здесь он стал свидетелем праздника в местном парке. Алексей Алексеевич вспоминал: «В тот памятный вечер весь парк и окрестные горы были великолепно убраны флагами, гирляндами, транспарантами. Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших «Боже, царя храни» и «Коль славен», мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, посыпалась со всех сторон на центральную площадь царка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренились и валялись наземь. Все горело в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пешком наших дворцов и церквей под грохот фейерверка загремела немецкий национальный гимн». Чтобы наступило прогрезвление, понадобились годы кровавой бойни Первой мировой войны.

СПЕЦИФИКА БАЛКАНСКОГО ВОПРОСА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.И. Мачикова

(Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь)

Балканы уже начиная с первых веков н. э. и вплоть до настоящего времени являются самой сложной в политическом, этническом, культурном, религиозном и даже языковом отношениях областью Европы. На протяжении вот уже почти двух тысячелетий они являются местом преткновения интересов всех ведущих европейских держав. Судьбы балканских народов, как правило, всегда выступали важным козырем в межгосударственных отношениях великих держав, но при этом интересы самих балканских народов практически никогда всерьез не принимались. Только в конце XIX – начале XX веков мировое сообщество, а Россия даже на полстолетия раньше, во главу угла поставили вопросы развития государственности балканских народов, их свободное и демократическое развитие. Однако специфика геополитических интересов великих держав, их попытки использования Балкан в качестве разменной карты для достижения своих стратегических целей, а также бурный рост национального самосознания и территориальных претензий молодых формирующихся наций в Юго-Восточной Европе привели не к разрешению балканского вопроса, а к его еще большему осложнению и многочисленным политическим противостояниям [1, с. 410]. Прогрессивные западные политики высказали тезис о принципиальной невозможности какого-либо справедливого урегулирования на Балканах, а относительно удовлетворительное решение балканского вопроса возможно только путем создания многонациональной федерации балканских народов [2, с. 29]. Эта идея была очень популярна у лидеров великих держав и даже дожила до конца Второй мировой войны и фактически стала причиной противостояния Сталин – Йосип Броз Тито [3], однако самими балканскими народами воспринималась крайне отрицательно.

Мы можем выделить пять важнейших историко-культурных факторов, обуславливающих сложность и противоречивость балканского вопроса в международных отношениях накануне Первой мировой войны [1, 4–6]. Во-первых, Балканы есть место состыкования католического, православного и исламского миров. Идеологическая непримиримость религиозных доктрин, особенно со стороны мусульманства, не могли не вызвать острого соперничества, подогреваемого еще со времен Византийской империи противостояния православной и католической церкви.

Во-вторых, на Балканах сошлись и тесно контактируют друг с другом народы, относящиеся к представителям пяти языковых групп – германской, романской, славянской, тюркской, а также древнейшего иллирийского языка. При этом наблюдалось не только взаимообогащение языков, но и их конкуренция, которую неоднократно использовали в качестве дополнительного разжигания страстей на Балканах. Например, путем незначительной подгонки местных диалектов и орфографии, австрийские власти (и ученые круги) сознательно создавали самостоятельные хорватский и боснийский языки в пику сербскому, хотя эти три языка практически не отличались друг от друга ни грамматически, ни лексически.

В-третьих, на Балканах издревле развивалась многоукладная экономика с узкой специализацией отдельных регионов – от патриархального хозяйства до горнодобывающих отраслей. При этом распоряжавшиеся на Балканах власти, а именно Австрийская (накануне войны Австро-Венгрия) и Османская империя сознательно и целенаправленно поддерживали неравномерность экономического и культурного развития балканских регионов и народов, развивая одни территории и поддерживая в отсталости другие.

В-четвертых, Балканы являлись сердцем величайших мировых цивилизаций – Древней Греции и Византийской империи. Их материальное, а особенно духовно-культурное наследие являлось существенным фактором, стимулировавшим устойчивость, принципиальность и бескомпромиссность балканской политики трех основных акторов на данном полуострове – Австро-Венгрии, Российской и Османской империй.

И, в-пятых, Балканы и все народы, заселявшие и заселяющие данный полуостров, в любой период своего исторического развития были объединены, как правило, насильственным в одно или несколько крупных политико-государственных объединения. В результате этого исторического факта никакие границы, никакое национально-территориальное членение Балкан ни в прошлом ни в будущем не может быть справедливым и устраивать все балканские народы. Обязательно имеется нация, которая в память о своем бывшем величии – Великой Греции, Великой Сербии, Великой Болгарии и даже Великой Македонии – заявит об ущемлении своего исторического наследия. Естественно, что данный фактор был самым главным в решении, а точнее в абсолютной нерешаемости проблемы территориального определения границ новых суверенных юго-восточноевропейских стран.

Главными противоборствующими силами на Балканах накануне первой мировой войны были Россия и Австро-Венгрия, для которых крайне важно было изменить сложившееся к 1914 году Status Quo в этом европейском регионе. Остальные активные участники войны были обозначены другими проблемами и старались не допустить только ущемления своих текущих интересов на Балканах. Англия и Франция при этом также формально стремились поддержать в межгосударственных отношениях принцип справедливости в урегулировании конфликтов.

Основной и фактически жизненно важной проблемой для Австро-Венгрии становилась политическая деятельность и даже просто существование самостоятельного сербского государства. Пример его свободного и довольно успешного существования наряду со стремительной политизацией внутренней ситуации во всех европейских странах вследствие бурного развития и распространения капиталистических отношений и ценностей жизни приводил к недопустимому для австро-венгерского государства росту политического самосознания и конфронтации с властями у его славянских подданных. В очень недалекой перспективе это не могло не привести к распаду Австро-Венгрии на ряд самостоятельных государств, что и произошло после окончания Первой мировой войны. Интересы же России были связаны с дальнейшим упрочением позиций Сербии на Балканах, усилением ее и своего влияния на балканских славян, а также изменением политической власти в Болгарии и выводе ее из-под германско-австрийского влияния.

Выстрел Гаврилы Принципа в австрийского эрц-герцога, как известно, стал поводом для начала Первой мировой войны и нападения Австро-Венгрии на Сербию, а затем России на Австро-Венгрию. Однако не будь его – нет никаких сомнений, что из-за неустрашимой противоречивости балканских отношений эта война началась бы в самом скором времени.

1. Международные отношения на Балканах. 1856–1878. – М., 1986.
2. Curtright L. Muddle, indecision and setback. – Thessaloniki, 1986.
3. Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. – М., 1991.
4. Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. – М.-Л., 1947.
5. У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М., 1984.
6. Виноградов В. Н. Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая и новейшая история. – 1993, №4. – С. 3–12.